— За-ба тебя! Тяжкую, от красную сотню-б урезали!
— Ишь то, мать твою, жеребцу косорукий ...
— Цокнете во, связались ...
— Вон, на баз, там и склещитесь. Право!
— Брось, Алексей, вишь атаман насупился, атаман папах на голове шевелится.
— А он што-ж ...
— Завтра в духу ему насел, а зараз пожалковай.
— В тягулевку их, каких скандальников!..
Атаман взлюбил кулак в висящуши ета, разжал:
— Зараз сидельцев позову! Молчать!..
Сжалка зул прошелся до задних рядов и затих.
— В четверг, как рассвенется, выезжать на поруду. Как, господа-старики?
— В добрый час!
— Давай бог!
— Поне старшое не дюже слухают ...
— Небось будут слухать. Аль упрову не сощал? Той Александка, как отделял сво, было-к в драку кинулся, за грудки хватался. Я ево до разу сенанул! Зараз-ка об заявлю атаману и вато старикам и вторам!.. посмирнел, стал, как травина под хлой водой.
— А што, господа-старики, получена от станишнова атамана казногрязнова. — атаман прервал голос и покрутил головой: в этот ночь воротник жупана задирая подворадок врезался в шею. — В эту субботу в станицу Мелодок на приезду. Штоб к вечеру были у станишнова правления.

483. У крайнего к двери окна Пантелей Прокофьевич по журавлиному поджимая хромую ногу с сватушкой. Мирон Григорьевич в распахнутом тулупе сидел на подоконнике, улавливая, моргая глаза, в гнедую боровую. На ней на коротких белесых ресницах пушились иней, коричневая Крупная конопатая налились от холода серой кровью, посерели. Около них перешучивались, улыбаясь, толпились казаки помоложе, а в средине сдвинув на плоский лысеющий затылок синевершую атаманскую с серебряным перекрестом папаху покачивался на носках сапогов Пантелея Прокофьевича, не старающийся Мирон Григорьевич Авдеич, по кличке Брехун. Авдеич когда-то в Лейб-гвардии атаманском полку. На службу тянем Синилкина, а вернулся ... брехом.